

АНАТОЛИЙ ЗАРЕЦКИЙ

**НА ИЗЛЕТЕ, или В брызгах
космической струи**

КНИГА ТРЕТЬЯ

Анатолий Зарецкий

**НА ИЗЛЕТЕ, или В брызгах
космической струи. Книга третья**

«Издательские решения»

Зарецкий А.

НА ИЗЛЕТЕ, или В брызгах космической струи. Книга третья /
А. Зарецкий — «Издательские решения»,

С РКК «Энергия» я по-прежнему связан как акционер нашего предприятия. Да еще связывает память о грандиозной работе, которая много лет увлекала настолько, что порой не обращал внимания на козни окружавшей меня кучки негодяев и вдохновенно делал свое дело вместе с коллегами, о которых до сих пор храню самые светлые воспоминания.

Содержание

Глава 28. Технический руководитель	6
Глава 29. Борьбическая борьба	14
Глава 30. Накануне больших дел	19
Глава 31. Миленький мой Кузнечик	27
Глава 32. Комплексная бригада	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

**НА ИЗЛЕТЕ, или В брызгах
космической струи
Книга третья
Анатолий Зарецкий**

© Анатолий Зарецкий, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 28. Технический руководитель

Неудачи на работе, а потом неожиданная смерть дорогого человека повергли в депрессивное состояние. Отвлечь от тяжких раздумий могла бы работа, а ее не было.

Вернулся из командировки Рабкин, но лишь с тем, чтобы через пару недель вновь отправиться туда же.

- Я там уже свой человек, Афанасич. Мы с Даниловым теперь друзья, – похвалился он.
- Рад за тебя, – вяло отреагировал на его важное сообщение.
- Что-то ты какой-то кислый, – подметил Виктор Семенович, – Случилось что?
- Да так, – не стал его грузить своими проблемами.
- А то полетели со мной, – предложил он.
- Зачем?
- Странный вопрос, Афанасич... Работы нет, а деньги идут, – рассмеялся он.
- Что же ты там делаешь?
- Отдыхаю, – коротко ответил ведущий инженер.

Две недели пролетели быстро, Рабкин улетел, и я снова заскучал. Неожиданно подбросил работу Бродский.

– Анатолий, тут Шульман снова явился со своими идеями. Ну, шугани ты его, в конце концов, – попросил он.

С трудом заставил себя до конца прочесть пояснительную записку, написанную так заумно, что не сразу распознал, о чем она. Идеи оказались не новыми. Чуть оформлены по-иному, больше наукообразия, но суть предложений не изменилась.

– Эмиль Борисович, я уже видел все это год назад. И еще тогда сказал вам, что предложения надо поддержать, а не топить. Если вам надо утопить, просите другого, а меня отпустите к Караштину. С удовольствием буду работать в этом направлении.

– Снова за старое, Анатолий. Ну, сколько можно, – возмутился Бродский, но, глянув на меня, тут же остыл, – Что, там действительно стоящие предложения, раз ты готов нас бросить?

– Не то слово, – ответил ему.

– Тогда пригласи Шульмана. Пусть ознакомит с подробностями. Мне же Шабарова убеждать, – попросил он.

Я встретился с Шульманом. Объяснил ему странную ситуацию с его работой в нашем комплексе.

– Не понимаю, – взорвался кандидат наук, – Это же вам в первую очередь надо. Законы управления для АСУ ваш комплекс будет разрабатывать. Это, по сути, алгоритм работы всех систем, участвующих в пуске. Как же вы его разработаете без этого аппарата? Это невозможно! – возмутился старший научный сотрудник.

– Да я об этом же еще год назад всем говорил, когда прочел ваш первый вариант документа, – согласился с ним и рассказал о своих проблемах разработки алгоритма управления оборудованием и о том, как боролся со сторонниками стандартного представления информации.

– Да-а-а? – с интересом посмотрел на меня Шульман, – Пойдем к Земцову, – пригласил он к своему начальнику отдела.

Выслушав мой рассказ, Земцов тут же пригласил нас с Шульманом к руководителю комплекса Караштину, где пришлось повториться.

– Вот, сразу видно системотехника, – похвалил меня Караштин, – Что окончили?

– Я инженер-механик, – коротко ответил, не вдаваясь в иные подробности своего образования.

– Да-а-а?! – удивился он, – А откуда такие познания в сфере управления?

– Хобби, – ответил модным тогда словечком, увидев забавные плакаты у него на стене: «Пункт 1. Начальник всегда прав» и «Пункт 2. Если начальник не прав, смотри пункт 1».

– Да-а-а?! – еще больше удивился руководитель комплекса.

– Ну и еще факультет института радиоэлектроники... МИРЭА, – добавил я.

Караштин от души рассмеялся.

– Хобби? – повторил он и снова рассмеялся, лукаво поглядывая на меня, – А ты говорил, у испытателей нет толковых специалистов, – обратился он к Шульману, – Вот вы и возглавите это дело. Я поговорю с Шабаровым, – объявил свое решение Караштин...

– Ну, все, Зарецкий, – обратился ко мне Шульман, едва вышли от Караштина, – Теперь ты мой человек. Будем работать вместе, – пожал он руку...

От Караштина я летел как на крыльях. Чувствовал, что предстоит интересная работа, исполняя которую могу преуспеть не только как специалист.

От Земцова узнал, что они будут предлагать Шабарову создать у Дорофеева отдельное подразделение для разработки законов управления АСУ подготовкой и пуском «Бурана» и не только его...

– Что ты там Караштину наговорил? – с недовольным видом встретил Бродский, – Пошли к Дорофееву, – пригласил он.

– Ну, Зарецкий, – встретил меня Борис Аркадьевич, – Просвети нас темных, что там открыл мудрый Караштин.

– Всего лишь способ представления информации для программирования АСУ, Борис Аркадьевич... Суть в том, что если всю технологию подготовки ракеты к пуску представить в виде так называемых законов управления, то дальнейшая разработка рабочих программ легко автоматизируется... Огромный объем работы можно выполнить быстро и качественно... К тому же любые изменения технологии не потребуют доработок АСУ... Меняют лишь программы.

– Ловко... Значит, Караштин свою работу хочет на нас перевесить, – странным образом отреагировал на мою информацию Дорофеев.

– Что значит на нас? – возмутился я, – Да это единственная серьезная работа в новом направлении. За нее хвататься надо, а не отбрасывать. Комплекс может стать разработчиком технологии, а не только примитивных сетевых графиков.

– Почему примитивных? – мгновенно возмутился Бродский.

– Потому что в них зафиксирован единственный вариант подготовки ракеты. К тому же, этот вариант не всегда оптимален, и не работает в случае любого иного развития событий.

– Это так? – с удивлением посмотрел Дорофеев на Бродского.

– Так-так! А то вы не знаете? – недовольно бросил Эмиль Борисович, – У нас времени нет делать варианты. К тому же их столько, – с досадой махнул он рукой, – Я Мухаммеда уже давно озадачил, как все это автоматизировать. А что он автоматизирует? Из него уже песок сыплется... Он тут с Ленинградским институтом связался. Вот уже года три работают, а толку никакого, – выложил Бродский.

– Эмиль Борисович, – обратился я к Бродскому, – Технология включает все в полном объеме, а потому любой график это побочный продукт. Их можно печь, как пирожки на любой случай. Вот только зачем они, если подготовку будет вести АСУ по заложенной в ней программе.

– А вдруг какой сбой? – подключился Дорофеев.

– Борис Аркадьевич, – глянул я на него с улыбкой превосходства, – Любой сбой это та же штатная программа АСУ. В законах управления нет подвешенных процессов. Все «нештатные» имеют выход в конкретную безопасную точку.

– Интересно, – оживился Борис Аркадьевич, – Слушай, Анатолий, проведи пару-тройку занятий в порядке ликбеза, персонально для меня, – неожиданно попросил он.

И вскоре я провел эти занятия, тут же получив в лице Дорофеева горячего сторонника внедрения в его комплексе нового направления.

Что и когда докладывали Шабарову, мне неизвестно. Зато через некоторое время меня атаковал Мазо. На свою голову провел занятия и для него. Ухватив идею, он обеими руками вцепился в меня как клещ, почувствовав, очевидно, направление, способное быстро вознести его на уровень начальника отдела. В его лице я тут же получил активного сторонника и одновременно мощного конкурента, поддерживаемого Бродским.

Первое, что сделал Мазо, это запретил общаться с Шульманом, Земцовым и Караштиным без его личного участия.

– Что за дела? – возмутился Шульман, узнав об этом, – Зачем мне какой-то Мазо? Я уже набеседовался с ним до оскомины. Он же ничего не понимает, – рассказал он то, что я давно знал и без него.

– Он просто хочет в начальники, – пояснил Шульману основную цель Мазо.

– Все хотят. Но начальником будешь ты, – мгновенно повысил он меня, – Если, конечно, будешь четко выполнять мои указания, – тут же сбросил с еще несуществующего пьедестала...

А вскоре позвонил Бродский.

– Анатолий, возьми в архиве штатное расписание комплекса и зайди ко мне, – приказал он.

Через полчаса я вошел в его кабинет, смутно догадываясь о предстоящем поручении. Так и оказалось. Мне поручили подготовить предложения по созданию отдела, основной работой которого станет разработка законов управления подготовкой и пусками ракет.

Еще не было никаких решений, но вдохновленный предчувствием, что близится время, когда у меня появится настоящее дело, в котором я буду не последним человеком, сделал эту работу за полдня.

– Ну, Анатолий, не ожидал, – удивился Бродский, когда положил перед ним свои предложения. Несколько минут он молча изучал мое творение, изредка поглядывая на меня так, словно видел впервые. Наконец тяжело вздохнул и заговорил, – И этого не ожидал, хотя, по сути, ты прав. Группу Мухаммеда давно следовало бы преобразовать в сектор. А уж с учетом новых веяний и подавно. Но ты ее видишь в новом отделе. Сам понимаешь, меня это не устраивает.

– Эмиль Борисович, вы же государственный человек, а не собственник какой. С точки зрения здравого смысла такой сектор должен быть только в новом отделе.

– В здравом смысле тебе не откажешь, – улыбнулся Бродский, – Но согласишься, кому понравится, когда разоряют твой отдел. Было время, в отделе работали триста пятьдесят человек. А сейчас... А ты группу забираешь.

Он взял мои листы и ушел к Дорофееву. Вскоре туда вызвали и меня, но как оказалось совсем по другому поводу.

– Анатолий, тебе придется срочно вылететь на полигон, – «обрадовал» руководитель комплекса, – Там вывозят на стенд-старт макет «Бурана», а Рабкин оказался полностью некомпетентным в простейших вопросах. В общем, мы с Эмилем Борисовичем посоветовались... Он помнит тебя еще по Н1, а потому рекомендовал назначить техническим руководителем работ... Что скажешь?

– В принципе, что делать, знаю. Но работу технического руководителя наблюдал со стороны. Не уверен, что все понял до конца. А с чем-то был просто не согласен.

– Ну, вот. Тебе и карты в руки. Твори, выдумывай, пробуй, – подбодрил меня Бродский.

– Мои полномочия, – обратился я к Дорофееву.

– Полномочия технического руководителя... Вы вправе принимать любые решения, обеспечивающие безопасное проведение всех запланированных работ в максимально сжатые сроки... Объем работ определяет Филин Главный. Он уже на полигоне. Контактируйте с ним, с Ковзальвым и со мной. Остальное за вами, – вполне официально выдал указания Дорофеев.

Вот это да! Такого сюрприза не ожидал. Первым техническим руководителем, с которым мне пришлось познакомиться, едва я, молодой лейтенант, прибыл на полигон, был Бродский. И вот теперь мне предстоит самому выполнять обязанности технического руководителя, да еще на первом вывозе «Бурана».

Что ж, работа для меня новая, но именно этого я всегда хотел – идти впереди всех и, по возможности, во главе всех, а не в качестве «рядового топорника» команды, спешащей на пожар...

В аэропорту «Крайний» неожиданно встретил Гену Солдатова.

– Да вот, начальство встречаю, – сообщил он после взаимных приветствий, – Сан Саныч теперь у нас важная фигура. Сам уже до площадки не доедет. Только с провожатым, – с деланной обидой проворчал он.

– Какой Сан Саныч? Маркин что ли?

– Он самый.

– Сочиняешь, Гена, как всегда. Сан Саныч не такой человек, – возразил ему, вспоминая наши харьковские беседы за кружкой пива.

– Конечно, сочиняю, – заулыбался Солдатов, – Но согласись, Толя, обидно. Мог бы, к примеру, по-приятельски предложить мне блатную работенку. Нет же. Теперь к нему надо записываться на прием, как к Пензину.

– С чего это он так заважничал? Кем же его назначили?

– Он теперь у нас зам Главного. А положение обязывает.

– Да ты что?! – удивился я, – Зам самого Пензина?

– Вот именно, – подтвердил он, вглядываясь в небо, – Вон он показался. Идет на посадку. Целый самолет одного его везет.

Я посмотрел в сторону, откуда обычно заходили на посадку самолеты, и действительно увидел снижающуюся «тушку». А вскоре мы с Генкой уже приветствовали важную персону, с которой когда-то общались запросто, потому что считали нашим приятелем, одним из нас.

– Толя, какими судьбами? – радостно пожал руку Маркин, которого, к удивлению, нашел ничуть не изменившимся, и даже показалось, все в том же костюме, в котором несколько лет назад он был в Харькове.

– Да вот прилетел на вывоз макета, – ответил ему, – Поздравляю, Сан Саныч. Ты, говорят, теперь важная птица. Один весь самолет занимаешь и даже сам крыльями машешь, – пошутил я.

– Спасибо, – улыбнулся Маркин и оглянулся в сторону скромно стоявшего рядом Солдатова, – Это ты, Генка, балбесничаешь? Чувствую твою ручонку... Тоже выдумал. Нас вон сколько прилетело, – показал он, словно оправдываясь, на проходившую мимо нас многочисленную группу командированных с вещами.

«Маркин как Маркин», – с облегчением подумал я. Так не хотелось разочаровываться в хороших людях.

Вдруг обнаружил, что водитель приехавшего за нами автобуса уже завел двигатель и собрался уезжать.

– Поехали с нами, – предложил Маркин, заметив, что я засуетился и подхватил вещи, – Мы туда же едем, а ваш автобус явно переполнен.

В автобусе он усадил меня рядом с собой, и мы успели поговорить не только о работе, но и о делах житейских.

– Ну, и как там живется в верхах? Почувствовал разницу? – поинтересовался, зная, что Сан Саныч непременно скажет все, как есть.

– Знаешь, Толя, разница значительная. Ответственность на порядок выше, а проблем выше крыши. С непривычки даже по ночам не сплю от мыслей... Вспоминаю наши командировки в Харьков. Какая красотища. Сделаем мы там что-то, не сделаем, один черт. Ни на что не влияет... Ну, пожурят нас или похвалят. И все. Зато пивка тогда попили вволю. Отличное пиво, – похвалил он, припомнив, очевидно, пивной киоск, что прямо у пивзавода, – А здесь, Толя, проблемы сыплются, как из рога изобилия. И все на контроле у министра, за все персональная ответственность. Посидеешь тут от одной ответственности, а надо еще организовать работу, чтобы дело сделать, не провалить... А вокруг доброжелатели, в кавычках. Так и ждут, чтобы подсидеть... А политес... За каждым словом следить надо, особенно со смежниками. Я вот с тобой разговариваю, а ты смежник. Мало ли что у тебя в голове, – рассмеялся он.

– В голове у меня ничего, а вот диктофон в кармане пищет, – пошутил я.

Маркин добродушно махнул рукой.

– Ну и пусть пищет. Честно говоря, лучше бы я остался в начальниках отдела. Вот сейчас, везу пакет доработок макета, а кто мне их позволит проводить на стенде?.. А проводить надо... Вот буду уговаривать ваше техническое руководство. Опять же, кто попадется. Кстати, не знаешь, кто назначен техническим руководителем?

– Знаю, – ответил ему, лихорадочно соображая, как поступить. Разрешить, значит поступиться принципами, не разрешить, и того хуже.

– Ну, и кто?

– Не поверишь, Сан Саныч, – огорченно махнул рукой.

– Ты что ли? – с недоверием посмотрел он на меня, – Ну, вот... А я тебе все выложил, как на духу, – расстроился зам Главного, – Ну и что скажешь? – с надеждой посмотрел он.

– Ничего, Сан Саныч. Я твоей просьбы не слышал и надеюсь, не услышу. Иди через верха, раз ты там обитаешь. Прикажут, выполню, а так, сам знаешь, эту практику давно пора прекратить.

– Все ясно, Толя. Зарезал без ножа... Ладно, буду звонить Пензину. Пусть уговаривает вашего Филина, – снова улыбнулся он, считая деловую часть нашего разговора оконченной. Я облегченно вздохнул.

– Ну, а как в бытовом плане? – продолжил пытаться новоиспеченного заместителя Главного конструктора.

– В бытовом все нормально. Семья довольна, а мне, сам понимаешь, все равно. Просто не успеваю ощутить. Раньше мы в наш «Здоровяк» попадали раз в несколько лет, а сейчас ездят хоть каждый выходной. Семья ездит, а мне некогда. Был в нашем «Здоровяке»? – спросил Маркин.

– Нет, – ответил ему.

– Приезжай, съездим, порыбачим, – пригласил он...

Меж тем приехали на площадку. В гостинице уже стояла очередь из командированных. Я оказался последним, и когда, наконец, подошел к заветному окошку, оказалось, мест нет, а меня вообще нет в списке на поселение.

– А Рабкин, в каком номере живет? Подселите меня к нему, – подсказал им выход.

– Без него мы не можем. Ждите, – посоветовала дама, администратор гостиницы, и позвонила кому-то по телефону, – А вам, товарищ Зарецкий, надо в гостиницу для руководства. Вы в том списке, – вдруг посмотрела она на меня с удивлением.

Гостиница для руководства была рядом. При ней когда-то была офицерская столовая для высших офицеров. Меня поселили в одноместный номер с телевизором, холодильником и даже с телефоном. Не было только кондиционера, но он еще был не нужен.

Да-а-а... Оказывается, технический руководитель это уже фигура. Ну и ну, товарищ Зарецкий...

Утомленный ранним подъемом и перелетом ненадолго задремал и был разбужен телефонным звонком:

– К вам товарищ Рабкин. Пропустить? – спросили по телефону, и вскоре в номер вошел Виктор Семенович.

– Ну, слушай, ты тут устроился как буржуй, – неясно чему восторгался Рабкин.

– Виктор Семенович, доложи, что происходит, в чем проблемы и почему ты сам не справился с работой? – спросил ведущего инженера с большим стажем, которому, к тому же, успел много показать еще в прошлую командировку и который уже просидел здесь несколько месяцев.

– Ну, Афанасич, сразу о работе. Чувствуется начальство. Нет бы налить стопочку, да угостить друга, – напрашивался на угощение опытный командированный.

Достал привезенную бутылку и кое-что из закуски, и мы просидели весь вечер, обсуждая ситуацию.

Оказалось, макет еще утром вывезли на стенд-старт, так что все работы пойдут теперь там.

– А как ты туда добираться? – спросил Рабкина.

– Попутками, но тебе положена машина, так что завтра я с тобой, – обрадовано, сообщил он.

Водитель доставил нас прямо на нулевую отметку. Очевидно, знал, что делал – охрана нас даже не остановила. А на нулевой знакомая картина – построение участников работ.

К удивлению, в принимающем «парад» узнал майора Ковзалова, но уже в полковничьем чине. Выглядел он солидно и строго, как и подобает полковникам. С интересом понаблюдать за разводом, не торопясь спускаться под землю, куда уже настойчиво приглашал Рабкин.

За нагромождением башен обслуживания и прочих наземных сооружений ракета – венец творения – почти не проглядывалась. Картина с носителем Н1 выглядела гораздо солидней.

– Николай Иосифович, – обратился к Ковзалову, когда тот освободился от публичных дел и со свитой старших офицеров двинулся в бункер.

– Толя? – с удивлением глянул на меня начальник управления, – Как ты здесь оказался? Что делаешь? – пожимая руку, засыпал он вопросами.

– В командировке. Приехал на работы, – ответил ему.

– Извини, Толя, спешу на совещание. Подожди меня, поговорим, – распорядился он и пошел в бункер. Мы с Рабкиным двинулись следом.

В помещении для совещаний уже сидели Филин Главный, Маркин и еще ряд солидных начальников от предприятий-смежников.

Рабкин представил меня в качестве технического руководителя Филину, а тот, в свою очередь, всем собравшимся и предоставил мне слово для ведения совещания.

Быстро справившись с невольным волнением, после обычных вступительных слов предложил собранию отказаться от практики ежедневного планирования работ, спланировать все в один день с тем, чтобы последующие совещания действительно превратить в пятиминутки.

Ответом была гробовая тишина. Опрос показал, что к такой работе в данный момент не готов никто. Пользуясь замешательством, тут же вылез Маркин со своим проектом доработок макета.

Минут через десять совещания понял, что сломить рутину сложившихся отношений мне не по-плечу. Солидные люди попросту не воспринимали всерьез предложений какого-то неизвестного ведущего инженера, пусть даже технического руководителя.

И все же мне удалось быстро нейтрализовать Маркина и после этого минут за десять спланировать первый рабочий день. Совещание, к всеобщему удивлению, заняло всего двадцать минут.

– Что, Зарецкий, революцию захотел сделать? Не выйдет, – улыбнулся мне после совещания Филин Главный. Тогда я так и не понял, одобрил он мой порыв, или нет, но меня он запомнил именно с того совещания.

– Надо же, Толя, не ожидал, – подошел ко мне Ковзалов. Чего не ожидал полковник, узнавать было некогда – на меня уже навалился Маркин со своими доработками.

– Сан Саныч, мы же обо всем поговорили в автобусе, – попробовал отвертеться от назойливого просителя. Не удалось, – Хорошо, пиши заявку, но с обоснованием, почему это надо сделать именно сейчас, – удалось, наконец, найти решение, которое надолго его успокоило.

– Ну, ты даешь, Афанасич, – пробрался ко мне Рабкин сквозь плотный заслон руководителей со всевозможными заявками на подпись.

Минут через двадцать в бункере не осталось никого, кроме нас с Рабкиным и лейтенантика, «носителя» бортжурнала.

А вскоре стали подходить исполнители работ с отчетами о выполненных операциях. Бортжурнал изделия начал заполняться. Работа пошла...

В обеденный перерыв заехал к Данилову. Встретились, как старые знакомые. У него в кабинете был и Филин. Я позвонил Дорофееву и доложил о ходе первого дня работы с макетом.

– Зарецкий, что ты такое выдумал сегодня? – обратился ко мне Вячеслав Михайлович, – Я уж думал, мы целый день прозаседаем, а к работам так и не приступим. Ты что, впервые руководишь испытаниями?

– Впервые, Вячеслав Михайлович, – ответил Филину Главному, – Но на Н1 столько насмотрелся на весь этот бардак, что захотелось хоть какого-то порядка, – и я рассказал ему о своем видении процесса планирования работ.

Выслушав мое темпераментное выступление, он посмотрел на Данилова:

– А ведь дело говорит молодой человек. Тебя как зовут? – спросил меня Филин. Я назвал, – Что ж, Анатолий, в следующий раз я тебя поддержу. А пока давай все сделаем по старинке. Сам видишь, не готов народ. Согласен?

Я кивнул. Революция провалилась...

От Данилова вышел в плохом настроении. Почему я так быстро согласился с Филиным? А если бы не согласился?.. Нажил бы себе очередного недоброжелателя, и все. Преодолеть рутину не так-то просто. А так вроде бы обещал поддержать... Только кого? Вряд ли меня в ближайшее время назначат техническим руководителем. Желających быть на виду хоть отбавляй. Не сделаю сейчас, другой возможности не будет. А с Филиным уже согласился. Отказаться? Еще хуже. Вилить хвостом последнее дело.

Успокоил Рабкин:

– Плюнь, Афанасич. Вот будешь делать АСУ, там развернешься.

– Какую АСУ, Виктор Семенович? За это еще столько сражаться, – ответил ему, даже не подозревая, насколько попал в точку...

В ежедневной суете незаметно проскочили две недели, и неожиданно для всех вдруг оказалось, что график запланированных на вывоз работ выполнен.

В день съема макета со стенда-старта мы с Филиным вылетели в Москву. Рабкин остался на полигоне.

– Виктор Семенович, что делать собираешься? – спросил его перед отлетом.

– Отдыхать после испытаний, – с серьезным видом ответил он. «Все в порядке», – подумал я, покидая полигон.

Глава 29. Борьбическая борьба

– Афанасич, столько интересного пропустил, – перехватил прямо в коридоре Миша Бычков.

– Очередную революцию? – в шутку спросил его.

– Да вроде того, – оглядевшись по сторонам, перешел на шепоток Миша, – Представляешь, Афанасич, протолкнули-таки Мазо в партию. Путь наверх открыт, – сообщил он главную новость и, как обычно, содрогаясь от внутреннего смеха, пошел куда-то по своим делам.

Да-а-а... Как же все-таки Мазо удалось проскользнуть в партию после того, как ему отказали в приеме?..

Но как бы там ни было, теперь он реальный претендент на должность заместителя Бродского, а возможно и не только. Не зря же он развернул бурную деятельность после того, как узнал о перспективах создания нового отдела в нашем комплексе.

«Ну и прохиндеи», – успел подумать, прежде чем меня снова окликнул возвратившийся Миша:

– Афанасич, это еще не все... Тут еще наша мелкота затеяла борьбическую борьбу.

– Что затеяла? – не понял его.

– Да это Мазо так назвал мышиную возню вокруг должности начальника группы... В общем, Гарбузов написал в партком комплекса анонимку на Гурьева.

– Как это, Миша, если автор известен? – удивился я.

– Да Гарбузова вычислили сразу, по почерку и по косвенным признакам, а сам он отрицает, что писал... Но, говорит, готов подписаться, потому что согласен с анонимом.

– Ну и в чем он обвиняет Чебурашку?

– Да в том то и дело, что не его, а Мазо... Тот, якобы, тащит на должность своего однокашника, который в начальники в принципе не годится. А дальше припомнил Гурьеву и его косноязычие, и неграмотность и неспособность руководить подчиненными... Куснул вроде бы Мазо, а на деле Чебурашку, – рассмеялся Миша, – Хорошо, Мазо уже приняли в партию, а то бы снова пролетел.

– Не пролетел бы... Миша, а что это он так засуетился, если должности нет?

– Это ты не в курсе, Афанасич... Освободилась должность... Женя Борисов умер, – нахмурился Миша. Женю Борисова он уважал не только как земляка.

– Да ты что, Миша? – удивился я, – Отчего умер?

– Сердце... Он после гибели сына, как запил, так и не смог остановиться.

Я помнил тот нашумевший случай, когда двое освободившихся эков пытались отобрать деньги у школьников, а его единственный сын-старшеклассник вступился за малышей и получил смертельный удар ножом. Женя после этого крепко сдал, замкнулся, потерял интерес к жизни. Правда, пьяным я его не видел.

«Какое горе принес один мерзавец такой хорошей семье. Убил мальчишку, а косвенно и его отца... А как переживут смерть сына родители Жени? Они уже в возрасте... Сколько же людей угробил один негодяй, не желающий работать», – мысленно возмущался я, мгновенно забыв о других негодях, которые также легко могут убивать, только не ножом, а словами или клеветническими письмами во всевозможные парткомы и завкомы, где такие же негодяи всегда рады таким письмам.

– Афанасич, да что ты так расстроился. Похоронили мы Женю, помянули. Жизнь продолжается, – изложил Миша свою жизненную философию, – Ладно, Афанасич, расскажу в следующий раз, – махнул он рукой, заметив мое состояние.

– Да ничего, Миша, рассказывай сейчас, – попросил его, постепенно отходя от неожиданной, действительно шокирующей новости.

– Так вот, – снова повеселел Миша, – Чебурашка в долгу не остался. Тут же написал кляузу на Гарбузова. Да еще прямо в партком предприятия... Все изложил... Как того в партию прокатили, что он вообще за тип... Одного не учел, что изложил все таким корявым языком, да еще с такими ошибками, что когда стали разбирать его писанину, партком за голову схватился... Представляешь, пришлось им Бродского пригласить в переводчики, а тот уже Мазо... Он и назвал их переписку борьбической борьбой... А кончилось, Афанасич, чем, не пове-ришь, – заинтриговал Миша.

– Ну и чем же? – спросил его.

– Партком обязал Бродского не рассматривать кандидатуры обоих, потому что партия их все равно не пропустит – оба кандидата с душком. Так что, Афанасич, у тебя появился шанс.

– Что ты, Миша, какой шанс? – возразил ему, – Вот увидишь, назначат кого-то третьего. Отто, например.

– Куда назначат, Афанасич? Они оба отказались исполнять обязанности начальников. Заявления написали. Ну, Чебурашку понять можно. А Сережа, – махнул рукой Миша и ушел, тихо посмеиваясь...

Неожиданно вызвал Бродский.

– Анатолий, мы тут с Мазо посоветовались и решили назначить тебя исполняющим обя-занности начальника группы Гурьева, – объявил он мне, в общем-то, ожидаемое решение.

– Эмиль Борисович, а Гурьева куда? – спросил его.

– Ты разве не слышал, он отказался от должности.

– Да не от должности он отказался, Эмиль Борисович, а исполнять ее. Его понять можно... А я штрейкбрехером не буду. К тому же, решил проситься в новый отдел. Мне там гораздо интересней, чем в группе Гурьева.

– Кто тебя отпустит в новый отдел! – неожиданно рассердился Бродский, – Да и неиз-вестно еще, будет он или нет.

– Обязательно будет. И группу Мухаммеда туда переведут. А потому прошу вас переве-сти меня к Мухаммеду, – попросил Бродского.

– У него своих лоботрясов хватает. Иди, работай, – отпустил Бродский.

После обеда меня вызвал на разговор Мазо.

– Анатолий Афанасьевич, почему ты отказался возглавить группу? – спросил он.

– Не возглавить, а как Прокопыч, исполнять обязанности, – уточнил я.

– Какая разница! – взревел Мазо, – Кто-то же должен исполнять.

– Анатолий Семенович, я попросил Бродского перевести меня к Мухаммеду. Там у меня есть интерес и перспектива – автоматизация. А здесь? Одно расстройство. Какие алгоритмы сделал, а кому они нужны? Да и Гурьеву не хочу мешать.

– Мало ли мы работы делаем в корзину? Обычное дело... А за Гурьева не беспокойся. Он бы в твоей ситуации своего не упустил.

– Это его дело, а я никому поперек дороги становиться не буду.

– Это твой окончательный ответ?

– Да.

– А тебе не стыдно будет, если тобой вдруг Отто начнет командовать? – выдвинул Мазо свой последний аргумент.

– Если сможет, на здоровье. Я все равно буду проситься в новый отдел. Так что так и быть, пусть временно покомандует, – ответил ему, не веря в то, что подобное вообще может слу-читься...

Случилось... Отто назначили моим начальником. Новость потрясла весь сектор. Я же отнесся к этому с полным равнодушием.

Зато взбунтовался Чебурашка. Поняв, что все его усилия оказались напрасными, он уговорил Мазо вывести его из состава группы Отто.

А вскоре весь отдел удивило известие, что на должность Жени Борисова неожиданно назначили молодого специалиста Валеру Маханова. Причем не исполнять обязанности, как предложили мне, а сразу на должность, которую по праву должен был бы занять Валера Бабочкин или я, если бы согласился...

Вот нам и аукнулась борьбическая борьба двух нанайских мальчиков...

Новый начальник начал с того, что вписал в мой план всю свою работу, причем, без всякого согласования со мной. Что ж, выполнить такой план несложно – отчитался проработкой исходной документации, и трава не расти. Удивило другое. Даже Чебурашка нашу с ним совместную деятельность начал с обсуждения состояния дел и распределения работы в группе. Здесь же ни слова, ни полслова, просто получи и выполни мою работу, потому что я теперь начальник, и мне некогда.

– Михалыч, подойди, есть вопросы, – обратился, чтобы прояснить ситуацию.

– Я занят, – последовал резонный ответ самоутверждающегося властелина группы.

Что ж, больше просить не буду. Сам подойдет, из чистого любопытства. А не подойдет, хрен с ним. Я и так знаю, что из запланированной мне работы не сделано ничего, а потому все придется начинать с нуля, то есть с проработки исходной документации. А надо ли мне это, если собрался переходить в другое подразделение?

И я занялся детальным изучением документа Шульмана. Быстро нашел отправные точки и двинулся в техническую библиотеку, чтобы ознакомиться с теорией не по сумбурному ее пересказу, а по первоисточникам. И чем глубже погружался в детали, тем больше захватывало дух от открывающихся возможностей, которые неожиданно разглядел в примененной Шульманом методике. Да на этом материале можно не только выполнить нашу прикладную работу, но и сделать ни одну диссертацию. Я вдруг ясно увидел пути решения целого ряда задач, которые лишь пунктиром намечали когда-то с Кузнецовым. От радостного восторга, в предчувствии научных открытий, закружилась голова...

– Афанасич, ты что хотел? – вернул на землю голос Отто.

– Я что-то хотел? – медленно приходя в себя, спросил новоявленного начальника.

– Ты же меня приглашал, – с обидой в голосе констатировал подошедший к моему столу бывший ученик.

– Раз приглашал, значит, есть вопросы... Меня интересует, Михалыч, что сделано тобой по пунктам, включенным теперь в мой план?

Задав нелicenseприятный вопрос, я молча наблюдал за реакцией моего нового руководителя. Густо покраснев, он зачем-то стал листать мой план предыдущих месяцев, где, конечно же, не было ответа. Затем принес свой план и надолго погрузился в его дебри с таким интересом, словно это был занимательный роман. Наконец удостоил меня вниманием, бросив отрешенный взгляд:

– Проработка документации, – прозвучал его ответ, достойный юмористического рассказа.

– Михалыч, я же от тебя не отстану, – взорвался я, – Где перечень проработанной документации?.. Выписки из документов... Выводы... Черновики... Где все это?

– Я не обязан отчитываться перед подчиненными, – вдруг выдал новоиспеченный начальник. Я даже рассмеялся от неожиданности.

– Еще как обязан, Михалыч. Я прошу отчета о твоей работе заурядного исполнителя, которую ты, пользуясь служебным положением, благополучно сплавил мне. И ничего более... Не ответишь, спрошу Мазо, Бродского, Дорофеева. Всех, кого надо.

Отто нахмурившись выслушал мою темпераментную речь и надолго задумался, то краснея, то бледнея от скачущих в его начальственной голове противоречивых мыслей. Наконец он тяжело вздохнул и решился:

– Я веду большую общественную работу. Все это знают. И Мазо, и Бродский.

– Саша, – рассмеялся я, – Ты хочешь сказать, что ничего не сделал по основной работе? Так и скажи. Я пойму.

– Не сделал, – немного подумав, тихо, но решительно выдохнул Отто.

– Вопросов больше нет, – завершил я разговор с непосредственным руководителем...

– Афанасич, подойди, пожалуйста, – примерно через неделю пригласил меня к своему столу Отто. Я не стал заниматься перетягиванием каната и, плюнув на самолюбие, встал и подошел, – Слушай, расскажи мне все, что знаешь про законы управления, – последовала странная просьба начальника.

– Зачем тебе? – выразил я искреннее удивление.

– Да тут Мазо сказал, что наша группа будет делать законы управления для стендового изделия, – шокировал меня Отто неожиданной новостью, – Так что хочу быстро войти в курс дела... Он сказал, что ты знаешь их лучше всех в отделе.

– Возьми книжечку Шульмана и почитай. Там все написано, – дал ему совет, прежде чем принять окончательное решение, учить его или не учить.

Тут же позвонил Шульману.

– А-а-а, Зарецкий? Привет, – ответил он, – Хорошо, что позвонил. Я сам хотел тебе звонить... Все правильно. Караштин договорился с Шабаровым. Будет у вас новый отдел... А пока его нет, будешь вести разработку в секторе Мазо. Желаю успехов. Звони, если что. Пока, – повесил трубку Шульман.

Потрясающе!.. Оказывается, решение уже принято. И теперь именно мне предстоит создать алгоритм работы всех систем комплекса «Буран», бортовых и наземных, на этапе, когда они работают совместно, под управлением АСУ. Я буду программировать подготовку и пуск ракеты, а для начала ее стендовые испытания. Вот это да!..

С еще большим рвением принялся за подготовительную работу. Для начала выбрал простейшую операцию – предстартовый наддув бортовых газовых баллонов – и попробовал представить алгоритм в виде закона управления. Через полчаса передо мной возник первый лист документа. Имея уже достаточный опыт разработки алгоритмов, я часа два пытался представить работу смежных систем в аварийных ситуациях, и не нашел ни одной ситуации, из которой не было бы выхода.

Этот мой модуль – или процесс закона управления – работал идеально. А ведь таких баллонных секций на носителе еще несколько десятков. Проверив работу модуля для пяти-шести секций, понял, что процесс подходит для всех. Оказалось, что за три часа сделал работу, которую традиционными методами вряд ли смог бы сделать за неделю. Великолепно!..

– Афанасич, – врезался в мои размышления Отто, – Я уже три часа читаю первые две страницы и ничего не понимаю.

– Не переживай, Саша. Ты же инженер-механик. Так что ничего удивительного, – без всякой задней мысли попробовал успокоить коллегу. Он же неожиданно взорвался:

– Ты тоже механик, а откуда-то все знаешь, – заявил он таким грозным тоном, словно я был виновником его невежества в области информатики.

– Саша, Саша, спокойно... В отличие от тебя, я еще и системотехник, – попытался успокоить его, – Ладно, расскажу своими словами, а то ты книжку Шульмана будешь месяц читать, – под влиянием хорошего настроения согласился я просветить начальника.

Как впоследствии оказалось, на свою голову...

Я рассказал ему основные принципы построения законов управления и особо подчеркнул их принципиальные отличия от традиционных алгоритмов. Как и ожидал, Отто имел очень слабое представление о предмете. Когда же показал ему свой модуль, Михалыч совсем загрустил.

Пришлось нарисовать упрощенную схему процесса. Лучше бы этого не делал. Кажущаяся простота вдруг вызвала у него эйфорию прозрения.

– Так просто? – восторгался начальник, – А нагородили, нагородили... Целая книжка ни о чем. Хорошо, что не стал читать, – радовался он, как второгодник, освоивший «Букварь», так и не заглянув в него. Сославшись на занятость общественной работой, Михалыч даже не стал смотреть разработанный мной настоящий процесс.

Больше он с расспросами не приставал, но на его столе постоянно лежала схема процесса, которую я начертил для пояснений.

Я же вновь погрузился в мир науки. Меня занимал вопрос применения новой методики к проблемам диагностики сложных технических систем. Роясь в недрах технической библиотеки, наткнулся на ряд статей, отрицающих возможность создания искусственного интеллекта. Посмеявшись над авторами, обнаружил несколько хороших книг по технической диагностике. Детально ознакомился с терминологией, особенно с модными тогда понятиями «прогнозирование» и «экспертные системы».

Вскоре скорость моего изучения предмета возросла неимоверно. Если в первые дни на проработку книги уходили два-три дня, то постепенно вышел на уровень три-четыре монографии в день. И вовсе не оттого, что стал быстрее читать – убивала завидная повторяемость материалов. Казалось, авторы, подобно закоренелым троечникам, списывали друг у друга все подряд и без зазрения совести. А потому очень быстро оказался у края научной Вселенной, за которой зияла черная дыра непознанного пространства.

Отяжелевшая от накопленных знаний голова часто походила на решето, которым почему-то предлагают носить воду, но вода быстро вытекала, а пытливый мозг суетливо раскладывал по полочкам квинтэссенцию прочитанного за день, за неделю, за месяц. Нередко количество переходило в качество, и вспышка прозрения освещала пограничную область, выхватывая из тьмы нечто странное, еще неведомое Человечеству, где пока только я один решал, двинуться дальше, или искать другой путь к новым знаниям.

Временами охватывало странное чувство, подобное юношеской влюбленности, когда о предмете интереса хочется узнать все до деталей. А потом либо разочарование и вновь тоска одиночества, либо восторг и неясная тревога в предчувствии первой любви и полная неизвестность, ответит ли взаимностью маленькая частица Вселенной, случайно встреченная на пути познания мира.

Глава 30. Накануне больших дел

В августе мои научные изыскания были прерваны неожиданным отпуском. С тех пор как меня выдавили из профсоюзных лидеров, мгновенно и навсегда иссяк и поток профсоюзных подачек, а потому сообщение жены о том, что ей выделили семейную путевку в дом отдыха на Украине, было воспринято с энтузиазмом.

На работе меня не удерживали, а потому уже через неделю мы выехали в Киев. Как ни странно, до той поездки я ни разу не был в столице Украины.

Киевский вокзал и метро не впечатлили. И лишь когда мы выскочили из-под земли и поехали по метромосту через Днепр, перед нами во всей красе предстала Владимирская горка с еле заметными золотыми куполами храмов, скрытых в густой зелени деревьев, и, совсем некстати, гигантских размеров монумент, разрушающий гармонию киевской старины. Сразу вспомнил все, что когда-либо читал об этих местах, которые воочию проплывали вдали со скоростью перемещения вагона метро.

А вскоре автобус уже мчал нас по шоссе, направляясь в небольшой городок Остер Черниговской области, где располагался дом отдыха. Так что первое знакомство с Киевом оказалось шапочным.

Часа в три пополудни мы уже были на месте. Тихий зеленый городок. Чудесная погода. Неспешный ритм жизни. Неповторимый аромат разнотравья, пьянящий нас, городских жителей, привыкших к недостатку кислорода и смраду выхлопных газов.

Нас разместили в маленьком домике с тонкими фанерными стенками, где была лишь открытая веранда и небольшая комнатенка с низеньким потолком, в которой стояли три койки и платяной шкаф. Ни стола, ни стульев.

Бросив вещи, тут же отправились на экскурсию по территории. Среди раскидистых деревьев то здесь, то там виднелись домики, похожие на наш, но были сооружения посolidней – как оказалось, столовая и клуб.

И все же главной достопримечательностью оказался пляж. Чистенький песочек и малочисленные группки отдыхающих на пологом берегу чудесной речки Десны. Неширокая, неглубокая с чистым песчаным дном и быстрым течением ее мутноватых вод. Поразил необычный загар завсегдатаев пляжа – красивый золотистый цвет, словно они только что вернулись с пляжей Азовского моря. Позже узнал, что воды Десны насыщены йодистыми соединениями – продуктами жизнедеятельности каких-то то ли инфузорий, то ли дафний, то ли еще каких рачков, проживающих в них испокон веков.

Кроме отдыхающих, на пляже разместились, в ожидании чего-то значительного, огромные коты, рядом с которыми, не обращая на них внимания, бродили, искоса поглядывая на воду, местные черные вороны. А вскоре выяснился и предмет интереса всей этой зоологической публики. Вверх по течению медленно прошла огромная самоходная баржа, от которой по кромке пляжа прокатились мощные волны, в полметра высотой, вынесшие на прибрежный песочек тучи мелкой рыбешки. И пошел пир на весь мир.

– Папа, они ее едят! Срочно спасай рыбок, – бросилась ко мне дочь.

Посмеявшись в душе наивности ребенка, поспешил на помощь. Увы, мы успели спасти лишь по десятку-другому рыбьих душ, остальных «спасли» друзья наши меньшие, которые были гораздо проворнее нас и никого не боялись. Насытившись, они с чувством собственного достоинства медленно покинули пляж до следующего дня – баржа проходила туда-сюда два раза в сутки четко по расписанию, которое твердо усвоила местная фауна. Все последующие дни операция по спасению рыбок стала для нас с дочерью традицией.

Прогулялись мы и по уютным улицам городка, который напоминал большую деревню. Повсюду бродили по своим делам куры и утки. Периодически голосил петух.

– Это я пою, – шутила Татьяна, удивляя и смеша Светланку, которая не верила ее заявлению и удивленно поглядывала то на петуха, то на нее.

И еще моих девочек поразило то, что фруктовые деревья росли не только во дворах жителей, но и перед заборами с уличной стороны. Яблони были усеяны великолепными плодами, да и повсюду из-под травы под ними выглядывали румяные бока падалицы.

– Папа, а их можно подобрать? – спросила дочь, пораженная изобилием «ничейных» фруктов.

– Не знаю, но думаю, хозяева не обидятся, – ответил ей, поскольку по своему деревенскому опыту знал, что рядом с дворами ничейных деревьев не бывает, – Возьми парочку, но их все равно мыть надо, – разрешил дочери.

И тут наш взор упал на стоявший на лавочке большой таз, доверху наполненный великолепными яблоками.

– Наверняка продают, – сказал жене, показывая на него.

– А где хозяева? – спросила она.

Я заглянул во двор и увидел женщину, спешащую к нам.

– Здравствуйте, берите яблочки, – выйдя из калитки, предложила она.

– Здравствуйте. А сколько вам за них? – спросила Татьяна.

– Та нисколько, – удивила нас ответом хозяйка, – Такой урожай в этом году. Не знаем, куда девать. Закапываем, закапываем, а они все падают и падают. Угощайтесь. Вкусные яблочки. Падалица, правда.

– А что же вы их не продаете? – удивилась жена.

– Та кому ж они тут нужны? У всех яблони ломаются в этом году. Некуда девать.

– Не могу я так брать. Сколько вам заплатить? – настаивала Татьяна.

– От чудные люди. Берите ж так, – настаивала женщина. Но она не знала Татьяну, которая, конечно же, категорически отказалась брать бесплатно, – Ну, давайте хоть десять копеек и берите, – сдалась хозяйка тазика.

– А сколько здесь килограмм? – спросила жена, доставая деньги и начиная отсчитывать мелочь.

– Та почему же ж я знаю, – удивилась хозяйка, но, поняв замысел Татьяны, рассмеялась, – От чудные люди. Та за весь тазик десять копеек, а то берите так, – махнула она рукой.

Мы пересыпали яблоки в сумку, поблагодарили хозяйку и довольные «покупкой» отправились к себе. А у ворот дома отдыха увидели занятную картину – несколько женщин продавали точно такие же яблоки, правда, чуть крупнее и не падалицу. Каково было удивление, когда узнали, что продают поштучно – по двадцать пять копеек за яблоко. Отдыхающие с удовольствием брали...

Три недели рая проскочили незаметно. Купание в теплой Десне, игры на мягком песочке у воды и чудесные вечера за разговорами с новыми знакомыми перемежались экскурсиями в Чернигов, Нежин и ближайшие окрестности Остра. Ездили только взрослые. Детей на это время занимали в клубе, где Светланка быстро нашла свое место и подруг, с которыми ей вдруг стало интересней, чем с нами.

– Чем же вас развлекают в клубе? – спросил как-то дочь, когда она прямо с утра снова заторопилась туда, предпочитая его пляжным играм и даже забыв об утренней операции по спасению рыбок.

– Нас не развлекают. Мы вас будем развлекать... Но это пока тайна, – ответила Светланка и убежала по своим таинственным делам.

Ее подруга Лера тайн хранить не умела, а потому от ее бабушки и дедушки мы тут же узнали, что дети готовят концерт для родителей, и Светланка будет не только танцевать, но и читать стихи.

В том, что дочь будет танцевать, мы не сомневались – балетная школа как никак. Но тяги к художественному чтению у нее, увы, не замечали. Что ж, теперь хоть понятно, почему Светланка вдруг так заинтересовалась моей книгой «Английская поэзия в русских переводах», которую взял с собой в дорогу. Интересно, что она там нашла?

На концерт мы, как ни спешили, все же опоздали. Но едва вышли из экскурсионного автобуса, который доставил нас прямо к клубу, услышали звучащий из репродуктора голос дочери:

Варкалось. Хливкие шорьки
Пырялись по наве,
И хрюкотали зелюки,
Как мюмзики в мове.

Бурные аплодисменты засвидетельствовали не только успех ее выступления, но и то, что мы застали лишь его финал.

– Не говори, что мы опоздали, – предупредил жену. Она согласилась со мной. Мы поспешили в зал.

– Ну, как, понравилось? – вскоре нашла нас в зале Светланка.

– Молодец, – искренне похвалил дочь. Читала она действительно хорошо, – А кто такие «мюмзики»? – спросил, косвенно подтверждая, что мы были свидетелями ее успеха.

– Это такие маленькие жучки, в траве сидят и поют, – пояснила довольная Светланка, – А танец понравился, где я одна танцевала?

– Ну, конечно, понравился, – обняла ее Татьяна, – Мы же видели его на вашем концерте в музыкальной школе.

– Там я по-другому танцевала, – удивленно посмотрела на нее дочь.

– Я это заметил... Мне понравилось, – быстро выкрутился я.

– Правда? – обрадовалась довольная похвалой Светланка. Я обнял ее вместо ответа...

А как нам понравился однодневный поход, в котором были в основном дети!.. Из родителей взяли только нас с Татьяной и дедушку с бабушкой Леры, да и то, как потом поняли, для хозяйственных нужд.

Паромом мы перебрались на высокий берег Десны и двинулись в сторону леса. Примерно через час пешего хода наша растянувшаяся метров на сто колонна, наконец, добралась до его опушки. Здесь, в тени раскидистых деревьев был объявлен привал, который оказался первым и последним.

После короткого отдыха, ребята вместе с физруком, руководившим походом, быстро поставили палатки. Нас, взрослых, и несколько ребят постарше тут же отправили в лес за хворостом. Светланку и Леру, разумеется, взяли с собой.

Сухие ветки обнаружили неподалеку. Там же оказались заросли спелой ежевики.

– А почему здесь малина черная? – удивились девочки.

– Это не малина. Это ежевика, – пояснил им.

– Ежиковая малина, ежиковая малина, – обрадовалась дочь. Под таким названием она и запомнила вкус той ягоды. Ее там было видимо-невидимо.

В поисках сушняка мы вдруг набрали на остатки заброшенной дороги. Широкий тракт вел в никуда и прерывался, едва углубившись в чашу, хотя насыпь, на которой росли вековые деревья, свидетельствовала, что когда-то он явно проходил через этот лес напрямик. Так и оказалось. Наш физрук, который по совместительству был и экскурсоводом, пояснил, что

это остатки Екатерининского тракта, по которому императрица ездила в Крым. Именно вдоль этой дороги, сооруженной вдали от населенных мест, строились фальшивые «потемкинские» деревни.

Заготовив дрова, мы отправились к озеру набрать воды для приготовления походной каши и чая. Что это было за озеро!.. Чистейшая ледяная вода, в которой росли белые водяные лилии – кувшинки.

Но больше всего нас со Светланкой поразили маленькие шурята, резвившиеся прямо у берега, у самой поверхности водной глади – в прогретых солнцем ее верхних слоях. Не удержавшись, дочь потихоньку от меня опустила в воду пальчик, и одна из юных хищниц не заставила себя ждать. От неожиданности Светланка отдернула руку, и маленькая щучка оказалась на берегу. Мы не стали ее наказывать за укус и спасли, как и всех других рыбок на Десне.

А потом ели кашу, запивая ее горячим чаем. После походного обеда ребята забрались в палатки, и оттуда все время раздавались их звонкие голоса и дружный смех. Отдохнув, ребята свернули свои временные жилища, и колонна участников похода тронулась в обратный путь...

Последняя неделя отдыха прошла в томительном ожидании отъезда домой. Неожиданно резко похолодало. Мало того, что сразу же закончился пляжный сезон, по ночам стало настолько холодно, что нам выдали дополнительные одеяла. Но и они не спасали. И всю неделю мы спали одетыми, положив Светланку в серединку.

Часть отдыхающих уехала в Киев, но на следующий день почти все вернулись, уставшие и сердитые. Оказалось, в канун сентября попасть на поезда в сторону Москвы нереально.

Но все кончается. В день, когда мы покинули Остер, выглянуло солнышко и слегка потеплело. Жаль, что наш отдых в этом чудесном городке окончился так нелепо.

В Киеве мы сдали вещи в камеру хранения и полдня побродили по центру города. Побывали и на знаменитом Крещатике. Честно говоря, Киев не впечатлил. Возможно потому, что как сказала жена, Москву не удивишь черепками, но, скорее всего оттого, что нам так и не удалось попасть к древним святыням Киевской Руси, почувствовать душу города...

Едва вышел на работу, вызвал Бродский:

– Анатолий, тут огневые технологические испытания предлагают заменить какими-то холодными. Разберись с этим делом и доложи.

Мой поход к двигателям и в Службу Главного конструктора лишь подтвердил слова Бродского, но разобраться с предложением не представлялось возможным. Все находилось в стадии проработки, и подключиться к этой работе, чтобы направить ее в необходимом направлении, было самое время. Предстояло лишь убедить начальство.

Вскоре разрешение Бродского было получено, и я присоединился к разработчикам пневмогидравлической системы «Бурана», занимавшимся этим вопросом. По сути, это были те же диагностические проверки, алгоритм управления которыми разработал еще для харьковчан, но теперь они должны были проводиться не на контрольно-испытательной станции МИКа, а на стенде-старте с применением реальных компонентов топлива.

На первый взгляд могло показаться, что это более сложная задача, чем та, которой занимался раньше. Но лишь на первый взгляд. Прежде всего, на стенде имеется АСУ, которая сможет управлять процессом. Есть и разработанный для нее аппарат законов управления, с помощью которого гораздо легче организовать любой требуемый процесс. А главное, появился практический смысл в том, о чем размышлял накануне отпуска – о применении новой методики к проблемам диагностики сложных технических систем.

Мой доклад Бродскому вызвал у него неожиданную реакцию:

– Очень хорошо, Анатолий. Тут Гарбузов внял критике и решил поучиться. Присоединяйся к нему, не возражаю.

Оказалось, что с октября Гарбузов должен учиться на факультете повышения квалификации МАИ. От него узнал, что срок обучения девять месяцев, но самое главное – направление обучения – совпадало с кругом моих интересов. И я присоединился...

Как всегда, стоило приступить к учебе, меня тут же отправили на полигон. Предстоял очередной вывоз макета на стенд-старт. Снова отправили в качестве технического руководителя с неясными задачами и обещаниями вскоре заменить с тем, чтобы я продолжил обучение в институте.

В тот раз нас с Рабкиным поселили в маленькой гостинице на жилой площадке гагаринского старта. Как же нам там не понравилось!.. Нет, сама гостиница и номер в порядке, но на всей площадке ни одной знакомой физиономии. Да и по вечерам просто некуда податься. И мы бродили с Виктором Семеновичем, нарезаая круги вокруг исторических домиков Королева и Гагарина. А на обед мы неизменно ездили на сто тринадцатую площадку в свою столовую и ежедневно справлялись в гостиницах, ни освободился ли номер на двоих.

Наконец нам повезло, и мы переселились в привычную обстановку родной площадки. Едва мы с Рабкиным успели ознакомиться с предстоящими работами и наметить план действий, как в нашу комнату вошли оба Филиных – Филин Главный и Просто Филин.

– А вот, Анатолий, и твоя смена прибыла, – обрадовал меня Вячеслав Михайлович, показывая на Бориса Николаевича. Тот лишь молча протянул руку для приветствия, – Введи его в курс дела и можешь быть свободен, – выдал он последние указания.

Мы тут же вызвали машину и, несмотря на то, что уже темнело, помчались на стенд-старт. Борис Николаевич одобрил все, что мы сделали, и принял техническое руководство предстоящими работами.

С утра оба Филиных появились в кабинете Данилова в необычном виде – на обоих были строительные каски. Не удержавшись, мы с Рабкиным рассмеялись. Филины посмотрели на нас, потом друг на друга и тоже рассмеялись. Особенно смеялся Филин Главный:

– Ну, Борис, у тебя теперь две головы. За двоих будешь думать, – показал он на каску Просто Филина, надеваю им прямо на шляпу, отчего действительно казалось, что движется нечто двуглавое.

Немного поговорили о делах, я распрощался с коллегами и отправился в гостиницу готовиться к отъезду в аэропорт. Улетал в твердой уверенности, что в том году уже точно не возвращусь, но никак не мог предположить, что это была моя последняя поездка на полигон, и я покидал те места навсегда...

– Зарецкий, что там у вас происходит? – раздался в телефонной трубке голос Шульмана, – Кто такой Отто? Почему он лезет ко мне с какой-то ерундой? – засыпал он вопросами в первый же день после полигона.

– Отто мой начальник. Что происходит, не знаю. Сегодня первый день на работе после полигона.

– Узнай все и доложи! – озадачил мой самодеятельный начальник...

– Михалыч, с чем ты ходил к Шульману? – тут же спросил я Отто.

– С проектом закона управления, – ошарашил он неожиданной новостью.

– С каким?!

– Который разработал.

– Ты что-то разработал?! – возмутился я.

– А что?

– Кто тебе поручил? Что за самодеятельность?!

– Я сам себе поручил. Имею право. Мазо меня поддержал.

Продолжать было бесполезно. Отто снова решил отличиться. Пошел к Бродскому.

– Эмиль Борисович, мы что, хотим провалить работу?.. Отто и Мазо сделают это непременно, – попытался вразумить Бродского.

– А ты помогай им, Анатолий. Они твои начальники.

– Да не нужна им моя помощь. Отто решил все делать лично, а Мазо поддержал его заблуждение.

– Ну и пусть делает. Это его право. Что тебе делать нечего, Анатолий? Я же тебе дал ответственное поручение. Занимайся, – прекратил нашу дискуссию Бродский.

Что ж, мое поручение тоже связано с законами управления. А эти неучи пусть делают, что хотят, решил я. В конце концов, никаких официальных поручений мне не было. Юридически разработка закона управления поручена Отто. Если не справится, сам и ответит за свое упрямство. Шульману звонить не стал. Надо будет, позвонит...

Размышляя над создавшейся ситуацией, вдруг интуитивно отметил, что в комнате что-то изменилось. Оглядевшись, не обнаружил настенных плакатов, которые вот уже несколько лет коллекционировал Миша Бычков. Ежегодно партийные функционеры разносили по комнатам рулоны этой макулатуры. Миша отбирал наиболее «выдающиеся» и вешал на стену. Так у нас постепенно появилась плакатная галерея, в которой даже была целая серия, посвященная текущим годам пятилетки: «Решающий год пятилетки», «Определяющий год пятилетки», «Завершающий...» и, наконец, наиболее всем понравившийся «Сердцевинный...»

– Сердцевинный, – с выражением прочел Миша, когда принесли тот плакат, – Образно сказано, сердцевинный... Все равно как винное сердце, – засмеялся он и вышел из комнаты...

И вот нет больше его коллекции образчиков идиотизма партийной пропаганды.

– Миша, – спросил Бычкова, – А где твои знаменитые плакаты?

– Партком изъял. Что-то они там порочат. Вот бы никогда не подумал, – ответил он и рассмеялся, – А ты глянь на свой иконостас.

Я взглянул на стену у моего стола и удивился. Несколько лет назад я украсил ее портретом С. П. Королева. Вскоре сделал стилизованное обрамление из лакированных деревянных планок темного дерева. Чуть позже закрепил два горшочка с комнатным плющом, который со временем так разросся, что мой импровизированный иконостас, как назвал его еще Кузнецов, оказался в обрамлении живой зелени. Теперь же его главный объект отсутствовал.

– А портрет кого не устроил? – возмутился я.

– Все тех же, Афанасич, – захихикал Миша и вышел в коридор.

Я порывлся в столе в поисках чего-либо подходящего и обнаружил свою фотографию, сделанную несколько лет назад для Доски Почета. Недолго думая, временно повесил ее на место изъятого портрета, дабы не портить гармонию моей «икебаны».

Каких только вопросов ни наслушался за неделю, пока висел мой портрет. Главным требованием со стороны всевозможных общественников было немедленно снять фотографию. И ни одного аргумента, поясняющего, почему. На мое ответное требование вернуть фото Королева, отвечали одним и тем же – не положено.

И все же неделя борьбы завершилась победой. Однажды глянул на стену и обомлел – вместо моего фото на стене висел портрет С. П. Королева. Кто подменил фотографию, мое ли фото СП мне вернули, или совсем другое и куда делось мое фото для Доски Почета, узнать так и не удалось...

У нас появились два молодых специалиста – Женя и Алексей. Как всегда, их подготовку поручили мне. Но уже на следующий день Женю Буслаева перевели к Гурьеву.

– Афанасич, может, и ты перейдешь? – предложил Прокопыч.

– Куда, Прокопыч? К тому же ты, оказывается, склочник. Ученика вот у меня забрал. И законов управления у тебя нет, – пошутил со своим бывшим начальником. Он, как всегда, лишь улыбался, слушая меня, и совсем не обижался моим шуткам...

С оставшимся Алексеем пришлось повозиться. Если Женя мои указания воспринимал как нечто, само собой разумеющееся, то Алексей буквально все воспринимал в штыки.

– Прочел материалы? Есть вопросы? – спросил его через день после выдачи первого задания.

– Нет. Я не могу просто так читать, – заявил молодой специалист.

– Так ты что, даже не читал? – удивился я.

– Нет, – спокойно ответил молодой лоботряс.

– А чем же ты занимался в рабочее время? Почему сразу не заявил свои претензии? Каким образом собираешься осваивать документацию? – завалил его вопросами.

– Дайте мне конкретное самостоятельное задание, тогда освою все, что потребуется, – вполне резонно потребовал ученик.

Тут же выдал простое задание, которое сам выполнил бы в полчаса. Ему же назначил трое суток и оставил в покое.

– Алексей, покажи, что сделал, – подозвал ученика через трое суток.

– Ничего, – как ни в чем ни бывало, ответил он. Это уже был вызов.

– Доложи, почему не выполнено задание? – сдерживая себя, спросил нерадивого ученика.

– Я не могу его выполнить. У меня недостаточно знаний, – ответил он.

– Знаю... Более того, мне кажется, у тебя их просто нет. К тому же ты не умеешь работать... А еще подозреваю, что ты обыкновенный сачок... Решение следующее. За срыв важного задания на первый раз делаю замечание... Выполняй первое задание. Завтра спрошу. Не выучишь материал назубок, церемониться не буду. Просто набью морду, – решительно заявил молодому человеку крепкого телосложения, на голову выше меня ростом.

Он с удивлением посмотрел на меня, но в его глазах, как ни странно, кроме удивления отметил скрытый испуг. Похоже, попал в точку. Видел я подобных крепышей в армии, которые на поверку оказывались заурядными слизняками. Этот из их числа. Уверен, теперь будет работать, если ни за совесть, так за страх.

Так и вышло. Со скрипом и скрежетом телега обучения молодого специалиста все же сдвинулась с места. Он и позже доставлял мне одни хлопоты и неприятности, но всему свое время...

Махнув рукой на план, с головой погрузился в новые для меня предметы – факторный анализ, планирование эксперимента и все в том же духе. К удивлению, узнал, что несколько сотен стендовых испытаний двигателей проводятся зазря. Ту же информацию можно получить, испытав лишь несколько десятков тех же двигателей. Что ж, весьма полезная информация.

Съездив в Химки, не узнал бывшее КБ Глушко. Живая работа преобразила там буквально все. И, прежде всего, заметно изменились люди. В их глазах сиял огонь познания истины. Мне по-прежнему были рады, но теперь наши позиции радикально переменялись – я спрашивал, а они отвечали. А ведь совсем недавно было наоборот. Опыт есть опыт. Молодцы.

Мне подтвердили, что проведено около четырехсот стендовых испытаний двигателей, и их уже начали поставлять в Днепропетровск, но для другой ракеты. Скоро начнутся поставки для блоков А «Бурана».

Попытался узнать, слышал ли кто о методах факторного анализа, способных сократить объем стендовой отработки на порядок. Специалисты лишь недоверчиво отмахивались или смеялись – можно, но не нужно.

Не дождавшись решений разработчиков ПГС, придумал свою методику холодных испытаний. Какая разница, в конце концов. И я начал разрабатывать закон управления холодными испытаниями блока Ц. Важно, как говорят, «набить руку».

Через месяц показал свое произведение Шульману.

– Ну, это же совсем другое дело, – обрадовался он и тут же потащил меня к Земцову, – Игорь Владимирович, посмотрите, что они уже сделали, – показал он тому мои черновики.

– Пошли к Караштину, – встрепенулся Земцов.

– Игорь Владимирович, это не то, что вы думаете. Это мои наброски холодных испытаний, – попытался остановить его порыв.

– Ну и что. Важно, что все как надо. А то ваш Мазо такую ерунду приносил, мы с Шульманом уже не знали, что думать.

– Игорь Владимирович, в том то и дело, что они с Отто продолжают разрабатывать ту ерунду. Я говорил с Бродским, но и он не понимает. Поговорите, пожалуйста, с ним, – попросил Земцова.

– Нет уж, – вмешался Шульман, – Пусть они принесут мне это еще раз, я от них камня на камне не оставлю. А ты, Зарецкий, иди, работай. Из твоих наработок можно будет что-то сделать. Мы попробуем, Игорь Владимирович, – обратился он к Земцову.

На том и порешили. Я ушел окрыленный, убежденный в том, что двигался в правильном направлении.

Глава 31. Миленький мой Кузнечик

– Тут твой друг приходил, только что уехал, чуть-чуть не дождался, – сообщила жена, едва приехал с работы, – Что так поздно?

– Вводили в ЭВМ мой закон управления. Уйти было нельзя, пока все ни окончили, – пояснил ей причину задержки на целых два часа, – Что за друг?

– А ты что, позвонить не мог? – продолжила выяснять отношения Татьяна, для которой даже моя десятиминутная задержка давно уже была поводом для допроса с пристрастием. Мои объяснения, что просто медленно шел, не воспринимались, потому что ходить с работы домой должен, по ее мнению, непременно быстро.

– В зале, где машина, телефона не было, а возвращаться не хотелось. Сразу побежал на электричку. Кстати, завтра тоже, скорее всего, задержусь. Работа есть работа. Так кто же все-таки приходил?

– Работа, работа... Платили бы еще за такую работу, а то пашешь, пашешь, а получаешь, как наш монтажник третьего разряда, – ворчала жена. Спрашивать, кто приходил, уже расхотелось. Какая разница. Надо будет, скажет, подумал и не ошибся, – Сашка приходил, – наконец выложила она новость.

– Дудеев? – обрадовался я неожиданному приезду друга.

– Почему Дудеев?.. Саша Бондарь. Он же твой друг, – ответила Татьяна. Я промолчал...

Был когда-то другом, потом приятелем, а вот кто сейчас, после того, как не стало моей Королевы? «И не друг, и не враг, а так», – вдруг ясно возникли в памяти слова Высоцкого. Как точно сказано. Вот это поэт! Жаль все-таки, что мы с Дудеевым упустили возможность познакомиться с ним ближе.

Сколько же я сам упустил их, этих самых возможностей. Сплошные потери. А теперь вот Валечка Кузнецова. Именно Кузнецова. Язык не поворачивается называть ее по фамилии мужа. Так что пусть отныне станет для меня Валечкой Кузнецовой – Кузнечиком, как звали ее школьные подружки.

Вот и год прошел, как нет тебя на свете, мой миленький Кузнечик, а я почти ежедневно, лишь закрою глаза и отвлекусь от суеты повседневности, так и вижу твои реснички в слезинках и слышу твои прощальные слова, полные тревожного предчувствия: «Я не выдержу все это еще раз, Толик. Я боюсь».

Чего же ты так боялась, Валечка, что тебя не остановил даже страх смерти? Как же мне понять тебя, чтобы не мучили угрызения совести, что я сделал что-то не так, когда ты искала у меня защиты и не нашла ее?.. Ведь вполне очевидно, что тогда ночью ты пришла именно ко мне, пусть не в здравом уме, но зато с твердым решением уйти от мужа. А чем ответил тебе я?..

А что еще я мог сделать в той двусмысленной ситуации? Ведь я сразу понял, что ты не в себе. Но ты была так счастлива, потому что после стольких лет приняла непростое для себя решение. Осознавала ли ты его до конца? Думаю, даже несмотря на болезнь, да... Вот только я осознал все слишком поздно, потому что видел в тебе не женщину, освободившуюся от липких семейных пут, а тяжело больного человека, нуждающегося в помощи психиатра...

Ты возбужденно говорила, шутила, вовсю звенел твой смех-колокольчик, распугивая ночную тишину. И было трудно понять, где балагуришь ты, а где вещает твоя болезнь. С радостной улыбкой ты вдруг сообщила мне, что дни твои сочтены и твоя смерть неизбежна... Чья смерть?.. Я с удивлением смотрел на тебя – женщину в расцвете зрелой красоты, сияющей светом любви, обращенным ко мне, своему избраннику – и не верил, не мог поверить. Нелепая мысль больного человека, подумал тогда и попробовал переменить тему...

Ты мгновенно почувствовала мои сомнения и продолжила свои фантазии. Ты заявила, что не боишься близкой смерти, и просила не плакать на твоих похоронах, а радоваться твоему освобождению. Ты рассказывала об этом так спокойно, так убедительно, без тени страха перед неизбежным, что я, под влиянием столь эмоциональной речи, забыл о твоём состоянии.

А вдруг ты не фантазируешь? Вдруг твой муж действительно задумал месть? Ведь травил же он тебя какими-то таблетками, как ты рассказала моей жене.

Это единственное, что пришло в голову. И решение встретиться с ним, понять его намерения, возникло именно тогда, когда смутно ощутил реальную опасность, угрожающую тебе. Саша Дудеев лишь поддержал меня.

И что же мы сделали? Пригласив его в твоё убежище, мы фактически вернули тебя мужу, а уж он без колебаний сдал тебя психиатрам.

Прости меня, мой миленький Кузнечик, за невольное предательство твоего доверия. Мог ли я тогда предположить, что все кончится именно так, как ты предсказала...

Предсказала ли?..

А вдруг это вовсе не твоё видение своей судьбы? Вдруг кто-то, коварный и жестокий, под видом сокровенных знаний смог внушить тебе ту роковую мысль, которая и сформировала твоё губительное решение, которое показалось тебе неизбежным и совсем нестрашным? Кто же тот злодей, уничтоживший тебя, и что толкнуло его на невиданную подлость?..

Прежде всего, это точно не твой муж. Мне кажется, он и сам околдован бессмыслицей, которой вы занимались. Он давно уже косвенно предьявил своё алиби – сперва странным поведением в дни похорон и поминок, а затем несокрушимым фатализмом осла, якобы ведающего, когда с него сдерут шкуру, а потому уверенного, что до той поры с ним ничего не случится.

Тогда кто?.. Впрочем, какая теперь разница, если ты, мой миленький Кузнечик, стала лишь воспоминанием в моём воспалённом разуме... И всё же... Как сохранить рассудок, если жизнь бьёт по голове, и с каждым разом всё больней и больней?..

Чёрная магия... Эти слова я услышал от твоей мамы. Она слышала их от тебя, а потому совершенно уверена в причине твоего ухода... Может действительно, именно здесь разгадка? Как знать. Если бы я верил во всю эту белиберду... А так – чёрная магия, белая магия – для меня это что-то вроде марксизма-ленинизма, пустого словоблудия без практического смысла...

А пока я лишь вспоминал наши разговоры, когда мы сидели друг против друга и пытались понять, что же происходит и что ждёт нас впереди.

– Знаешь, Толик, меня завербовали ещё, когда я ездила в Перхушково, – начала Валя свой рассказ, когда решила «открыться» мне.

– Кто тебя завербовал, Валечка, и с какой целью? – попробовал достучаться до разума, ослеплённого болезнью.

– Если бы я знала, – удивила она своим ответом.

– А как ты узнала, что тебя завербовали? – задал следующий целевой вопрос.

– Мне сообщили об этом.

– Кто сообщил?

– Не знаю, Толик.

– Он разве не представился? Ты подписывала что-нибудь? Подписку о неразглашении, например, или что-то в этом духе?

– Нет. Я вообще никого не видела, – снова удивила меня Валентина.

– А кто же с тобой разговаривал?

– Не знаю. Я была одна в комнате, но со мной говорили.

– По радио?

– Не знаю, Толик. Но я всё отчетливо слышала.

– Ну, и какую задачу тебе поставили, если не секрет?

- Никакой. Сказали, что мной будут управлять.
- Каким это образом?
- Не знаю, но с тех пор меня начали инструктировать, и я даже выполнила несколько заданий.
- Расскажи подробнее, если можно. Кто и где инструктировал? Что за задания?
- Не знаю, Толик. Задания передают телепатически. Это уже давно не секрет. Мной как бы управляют, подсказывают, что делать. Задания пока простые. Приезжаю, куда скажут, и считаю, сколько людей вошло и сколько вышло за час.
- А как передаешь информацию?
- Никак. Они же видят все моими глазами, – ответила Валя. Я задумался, сохраняя серьезное выражение лица.

А пока понял лишь одно – спусковой механизм болезни был запущен именно во время той нелепой поездки в Перхушково, когда она просила генералов перевести мужа в Москву. Стресс, который ей довелось пережить в тот день, не прошел даром. Конечно же, она рассказала мне не обо всем, что с ней произошло. Хотя и того, что поведала, хватило бы с избытком даже здоровому человеку. Я знаю, как умеют запугивать полковники, а ведь генералы произошли именно от этих тварей.

Пережитый ужас остался в каждой ее клеточке, в повседневных мыслях и в глубинах подсознания, но разрушительный процесс начался. Наследственная болезнь, малозаметная в размеренной жизни, получила мощный толчок к развитию. И первое ее проявление – несанкционированное обращение к телезрителям Ленинска, обрушившее ее карьеру диктора...

А что потом? Неустроенный быт временной квартиры в Болшево, случайная работа в подмосковном захолустье вместо Центрального телевидения. Новая квартира?.. А тут Дема с Рыжей, отбывающие в Америку отплясывать с королями...

Наконец, скучная работа в тесноте нотариальной конторы и череда смертей близких. Кто такое выдержит?..

- Толик, ты меня не слушаешь, – капризно зазвенел голос-колокольчик.
- Слушаю, Валечка, очень внимательно, – отвлекся я от размышлений.
- Ни одна я такая. Эти кагэбэшники многих зомбировали. И не только простых людей, но и многих министров. Даже Леонид Ильич уже под их влиянием.
- Валечка... Откуда ты это знаешь?
- Знаю... Они сами мне рассказывали, да я и сама замечаю... Многих своих узнаю изда- лека. Мы сразу обмениваемся особыми сигналами. А Леонид Ильич уже давно радиоуправля- емый. Ты заметил, как он говорит? Он может и не хочет говорить, а челюсти сами ворочаются, и он произносит то, что надо кагэбэшникам.

– Валечка... Отключи сигнализацию и поспи немного. Я защитный экран поставлю, чтобы они тебя не достали, – попробовал успокоить мою гостью способами, ей понятными. Так и случилось. Весь день она была спокойной, такой, какой бывала всегда...

– Вы к Саше? Проходите, – открыл нам дверь кто-то незнакомый, – Раздевайтесь и про- ходите в комнату.

– А, это вы? Привет. Раздевайтесь и проходите, – выглянул озабоченный Саша. Из кухни доносился бодрый женский щебет и даже, мне показалось, сдержанный смех.

– Сашка, куда же ты? Иди сюда, помоги, – тут же утащила его назад в кухню моложавая дама средних лет.

– Ну, Сашка, похоже, утешился, – мрачно прокомментировала Татьяна, – Все вы, мужики, такие, – сердито взглянула она на меня. Я промолчал.

В комнате уже расположились несколько человек. Как обычно, ни одного знакомого лица. Не было Валиной мамы и братьев. Впрочем, знакомое лицо все же мелькнуло. Татьяна тут же оживилась.

– А я вас знаю, – обратилась она к миловидной женщине со знакомым лицом, – Вы диктор из Ленинска, – сообщила она ей. Та улыбнулась в ответ:

– Уже не диктор. Мужа перевели сюда, в Болшево. Теперь без работы... А с Валечкой мы несколько лет вместе проработали... Так жалко. Как узнала, поверить не могла, – рассказала она свою историю.

Похоже, она тоже не знала никого из присутствующих, да и они ее. А потому минут через десять я увидел ее с Татьяной уединившимися и увлеченно беседующими о чем-то своем.

Я же неотрывно смотрел на большое фото в траурной рамке и вспоминал самые светлые мгновения нашей молодости. Вспоминал без грусти и сожаления, так, как ты просила тогда, миленький мой Кузнечик...

– Предлагаю всем желающим съездить в Ивантеевку на кладбище, – сделал странное объявление вошедший в комнату Саша, – Машины нет. Поедем своим ходом, – дополнил он.

«Желающих» оказалось человек шесть. Остальные, это были соседи Саши, поспешно разбрелись по квартирам.

Довольно быстро доехали до Ивантеевки, а потом долго ждали подходящего автобуса. И вот мы оказались там, откуда год назад двинулась процессия. Я стоял на том же месте, как тогда, и чувствовал, что физически не могу двинуться дальше.

– Идите, я вас догоню, – сказал Татьяне и ее новой подруге и остался на месте.

И вот маленькая процессия оказалась там, где я в последний раз увидел гроб с твоим бездыханным телом, миленький мой Кузнечик. «Прощай, профессор Толик», – вспомнил твои прощальные слова и мысленно, как тогда, в день похорон, ответил, – «Прощай, моя Королева, Валя-Валентина. Я помню тебя живой»...

– Ты куда пропал? – спросила Татьяна, когда группка вернулась.

– Да так, немного прихватило. Пока разыскал туалет, вы уже вернулись.

Неожиданно увидел Дему с Рыжей. Оказалось, они приехали прямо на кладбище, машиной. Захватив часть людей, Дема пообещал вернуться за остальными.

Мы долго брели в сторону Ярославского шоссе, и были уже почти у цели, когда появилась машина Демы.

– Дема, что за магией вы занимались? – спросил его уже за столом. Дема посмотрел на меня с удивлением и даже, мне показалось, с испугом.

– Кто тебе рассказал?.. Сашка?

– Нет. Мама Валентины.

– А она откуда знает? – со странным беспокойством спросил Дема.

– Думаю, от Вали, – ответил ему. Он, казалось, облегченно вздохнул.

– Чушь какая-то. Придумаешь такое, Толик, – отмахнулся Дема, – Люда, собирайся, поехали, уже поздно, – тут же обратился он к жене.

– Что так рано? – удивился Саша, но парочка была непреклонна. В этот раз подвезти нас никто из них не предложил, хотя нам было по дороге. Рыжую после тех поминок я так больше и не встречал, а с Демой мы увиделись лет этак через двенадцать в гостинице при посольстве Украины.

– Саша, что за магией вы занимались? – спросил его, когда почти все разошлись, а женщины отправились на кухню мыть посуду.

– Кто тебе рассказал?.. Неужели Дема? – испуганно спросил он. Я молча кивнул, – Странно... Теперь понятно, почему он сбежал, – вслух размышлял Саша.

– Что вы так переполошились?.. Не побегу же я вас закладывать... Просто интересно, что это такое.

– Да сразу не расскажешь. Целая книга.

– А ты в общем. Да и на книжку интересно взглянуть.

– Сейчас покажу, – подошел он к книжной полке. Саша вынул несколько книг, с тем, чтобы достать нужную в глубине полки, – Странно... Ее здесь нет, – вдруг удивился он и стал вынимать с полки все книги подряд. За ними тоже ничего не было.

– Саша, не ищи. Она наверняка у Демы, – вдруг осенило меня.

– Не может быть... Зачем?.. Мог бы сказать, – рассуждал он, складывая вынутые книги на полку.

– Просто догадался, что ты мне покажешь... Перепрятал, или взял с собой, – предположил я возможные варианты действий Демы, – Ну, да ладно. Нет, так нет... Ты мне скажи, по той книге можно предсказать судьбу конкретного человека?

– Не только предсказать, но и повлиять можно, – рассеянно перебирал книги Саша.

– Я так и думал, – вырвалось у меня.

– Что? – переспросил он.

– Да непонятно. Как можно предсказать, если потом взять, да изменить предсказанное на иное. Логика нет.

– Какая логика! Там сплошная мистика, – оживился Саша.

– Саша... Ты же материалист, а веришь во всю эту чушь. И Дема туда же. Не понимаю я вас, коммунистов. Я, беспартийный, и то не верю, а вы... Непонятно.

– Ты просто ничего не знаешь, Толик. Мы все тут ничего не знаем... Какой там материализм! Обо всем материальном забудешь, когда считаешь. А если еще попрактикуешь... Какая там религия! Им и не снились такие возможности. И науке все это нисколько не противоречит... Ты бы почитал, сразу понял, – начал обращать меня в свою веру Саша.

– Как же я почитаю, если Дема книгу изъял?

– Он вернет, – уверенно заявил начинающий маг, – Я тут свою книгу решил написать, – вдруг удивил он.

– О чем? Там же все написано, ты сказал.

– О своих путешествиях в параллельные миры... Столько всего узнал. Ни в одной книге ничего подобного нет.

– В книгах по психиатрии есть, – рассмеялся я.

– Зря смеешься. Я вот сегодня утром с Валею разговаривал. Как это возможно? Скажи, если знаешь? – вдруг рассердился он.

– Не знаю. Но хотел бы узнать, – успокоил его.

– Это хорошо. Мне кажется, ты бы смог написать. А я... Не писатель я, к сожалению, – безнадежно махнул рукой Саша.

Магическую книгу он мне так и не показал. Была ли она вообще та книга? Как знать. Лет пятнадцать Саша периодически сообщал мне, что пишет свою, как и задумал. Иногда он, как тогда, предлагал и мне подключиться к творческому процессу. Но всякий раз, когда просил его показать рукопись, Саша менял тему...

Бедненький мой Кузнечик... Как же нестати появилась на твоём пути эта парочка со своей магией и оккультизмом. Она смогла заморочить голову твоему мужу, а уж тебе и подавно. Но кто же из них «предсказал» твою скорую смерть и уверил тебя настолько, что ты сама в это поверила?.. Дема?.. Вряд ли. Не мог он погубить такую красоту... Рыжая?.. Тоже не могу утверждать. Я слишком мало ее знал...

– Мама, а что случится, если бабочка умрет? – спросил как-то маму маленький сын.

– Ничего не случится. Только бабочки больше не будет, – ответила мать...

И вот уже целый год нет тебя в этом мире, миленький мой Кузнечик.

Глава 32. Комплексная бригада

– Анатолий Афанасьевич, вы не будете возражать, если я поеду в пионерлагерь вожатым? – неожиданно подошел мой подшефный Алексей.

Потрясающе! Молодой специалист, который за три месяца с трудом освоил то, что рядовые бойцы без образования и с плохим знанием языка осваивали у меня за неделю, собрался на целых четыре месяца выпасть из рабочего процесса.

– Алексей, как ты собираешься работать дальше? Или ты думаешь, что профессию получишь в пионерлагере? Ты хоть был когда-нибудь пионервожатым? – обрушил на него шквал вопросов.

– Я еще ни разу не видел моря, – разом ответил он на все вопросы и замолчал. Я лишь махнул рукой, считая разговор оконченным. Оказалось, Алексей так не считал. Он пошел по инстанциям и где-то на уровне Мазо-Бродский получил-таки разрешение. Что ж, вольному воля.

– Не переживай, Афанасич, – «успокоил» Отто, – Завтра к нам еще молодежь приходит. Их куда-то не туда распределили, а сейчас они к нам прорвались. Я их к тебе пристрою, – озвучил свое решение начальник.

– Ну, спасибо, Михалыч. Как бы я без них жил? Не представляю, – ответил ему и направился напрямиком к Бродскому.

– Эмиль Борисович, меня не устраивает мое положение в группе... К Мазо, уже давно понял, обращаться бесполезно. Он считает, что Отто все делает правильно... А тот по-прежнему разрабатывает законы управления в одиночку. Может он гений, но такую работу одному не сделать, а значит, он ее непременно провалит... И еще, Эмиль Борисович. Когда вы не пустили меня в министерство, обещали денежную компенсацию. Где она?

– Анатолий, столько вопросов сразу... Ты сам не захотел стать начальником группы, а теперь какие могут быть претензии?

– Не начальником, а исполняющим обязанности.

– Какая разница? Мне нечего тебе сказать, Анатолий... Нет у меня ни денег, ни должностей для тебя. Иди, работай, – закончил разговор начальник отдела.

Что ж, от Бродского тоже больше ждать нечего. Он четко выразил свое отношение к моим проблемам. Тем лучше, есть повод проситься в новый отдел...

– Ну, Анатолий, повезло тебе, – с радостной улыбкой перехватил меня в коридоре Бродский утром следующего дня, – Только что сообщили, Мухаммед скорострительно умер. Очень вовремя должность освободил, – обрушил он на мою голову такое, что я буквально онемел. Не столько даже от новости, сколько от того, как она была преподнесена.

– Вам бы такое счастье! – сказал первое, что пришло в голову после секундного ступора, и безнадежно махнув рукой, с камнем на душе пошел на рабочее место. Умер человек, к которому всегда относился с большим уважением и у которого многому научился, а было ощущение, словно именно я стал причиной его смерти. Должность он мне, видите ли, освободил. Ни за что не соглашусь на эту должность, тут же решил свою участь под впечатлением от дикой выходки начальника отдела...

– Что, Афанасич, – вскоре зашли в нашу комнату Соболев и Четверкин, – Говорят, тебя к нам вместо Мухаммеда? – спросил Миша, и оба крепыша почтительно нагнулись над столом в ожидании моего слова.

«Эти ребята точно „Буря“ поднимут, только руками», – мелькнула в памяти шутка Мазо, которую он как-то с полгода мусолил едва ли ни ежедневно.

– У вас своих претендентов хватает, – успокоил, похоже, обоих, потому что они тут же облегченно выпрямились в полный рост, заслонив передо мной все обозримое пространство.

– Да это, Афанасич, претенденты претендентами, а как Бродский решит, так и будет, – зондировал почву Миша Соболев, много лет числившийся в резерве на эту должность, – А то давай, мы прямо сейчас твой стол и перенесем. Лучше ты, чем кто-то еще.

– Миша, мы Мухаммеда еще не похоронили, а тут прямо с утра эта мышинная возня!.. Спасибо, конечно, за предложение, но я вам не конкурент. К вам не пойду из принципа. В новый отдел буду проситься, – сообщил им свое решение. Ребята ушли удовлетворенные.

Это новость разнеслась по отделу мгновенно, как и первая. И если прямо с утра меня поздравляли с повышением, которое лишь маячило в перспективе, то теперь каждый останавливался в коридоре и пытался выяснить причины отказа от должности, которую, впрочем, официально так никто и не предложил.

Быстро сообразил, что вызов к руководству неминуем, а ведь там придется говорить внятно, а не мямлить всякую ерунду, как коллегам по работе, чтобы только отстали.

И я задумался над сложившейся ситуацией. Ведь одно время сам просился к Мухаммеду, а теперь, когда представилась реальная возможность возглавить дело, собираюсь отказаться, хотя и понимаю, что во главе группы непременно должен стоять неординарный человек, а не Миша, способный лишь рисовать графики по готовой канве, созданной его начальником.

Чем же привлекала работа у Мухаммеда? Только тем, что видел пути ее автоматизации и знал, что составом группы, который есть, такую работу не выполнить. Особенно убедился, когда встретился и поговорил с командированными ленинградцами из НИИ, которым было поручено разработать программное обеспечение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.